

Витензон был глуховат. Все они были призваны как здоровые для прохождения воинской службы.

И вот мы едем. Поезд был дачный, колеса постукивали на стыках рельсов, мы лежали на голых полках и соображали: «К добру это или не к добру?». Когда поезд тронулся, сопровождающий сообщил, что едем мы в Киев.

Каждый воспринял это по-своему. Я обрадовался, так как там жила родственница – жена недавно умершего маминого брата. Можно было надеяться на встречу с ней. Хотя особых причин для радости не было. Служба у меня как-то не заладилась с начала. Мы питались в столовой три раза в день, но на случай выезда на артполигон старшина выдал всем новенькие алюминиевые котелки. Круглые, двухлитровой емкости, они стояли на полочке, специально устроенной в казарме, слева от выхода. Мой оказался крайним у самой двери.

Через неделю к моему великому удивлению я обнаружил, что мой новенький котелок изнутри окрашен в темно-фиолетовый цвет. Исполненный благородного гнева, я побежал жаловаться старшине на то, что какой-то дурак выкрасил мой котелок изнутри чернилами. На что старшина спокойно ответил: «Та це ж я набрав у канцелярії собі чорнила», а потом прибавил, что за «дурака» мне два наряда вне очереди на кухню, а котелок вычистить и доложить. Я стал бормотать, что это несправедливо, что, «кто вымазал, тот пусть и чистит». На это последовал ответ: «Еще два наряда за пререкания со старшиной». Следующее взыскание от старшины я получил за плохо пришитый подворотничок, из чего сделал вывод: старшина приметил меня.

Однажды, в среду, а это был как раз день «сухого пайка», мы до самого обеда работали в артпарке, занимались установкой орудия в положение «к бою». Я уже говорил, что это была очень тяжелая работа, и мы при